

100

жемчужин
европейской лирики

«100 жемчужин европейской лирики» — это уникальная книга. Она включает в себя сто поэтических шедевров, посвященных неувядающей теме любви.

Все стихотворения, представленные в книге, родились из-под пера гениальных европейских поэтов, творивших с середины XIII до начала XX века. Читатель познакомится с бессмертной лирикой Данте, Петрарки и Микеланджело, величавыми строками Шекспира и Шиллера, нежными и трогательными миниатюрами Гейне, мрачноватыми творениями Байрона и искрящимися радостью сонетами Мицкевича, малоизвестными изящными стихотворениями Андерсена и множеством других замечательных произведений в переводе классиков русской словесности.

Книга порадует ценителей прекрасного и поможет читателям, желающим признаться в любви, обрести решимость, силу и вдохновение для этого непростого шага.

100 жемчужин европейской лирики

Алигьери Данте (1265–1321)

**Все в мыслях у меня мгновенно
замирает...**

Все в мыслях у меня мгновенно замирает,
О радость светлая, завижу лишь тебя!
Приблизиться хочу — любовь меня пугает
И говорит: беги! или умри, любя!
С туманом борются темнеющие взгляды...
Что в сердце у меня — ты на лице прочтешь.
И камни самые спасительной ограды
Под трепетной рукой кричат: беги — умрешь!
Ты видела меня, и взор твой молчаливый
Душа убитая в гробу своем звала.
Луч жалости один, луч жалости стыдливой, —
И, вновь воскреснувши, она бы расцвела;
Но, смерть свою любя, с надеждой бояливой
Она вотще твой взор молила и ждала.

*(переводчик — Соловьев Владимир Сергеевич,
1853–1900)*

Полны мои мысли любовью одною...

Полны мои мысли любовью одною,
Но друг против друга враждуют упорно;
Та молвит: любви ты отдайся покорно,
А эта: любовь лишь играет тобою.
Одна разрывает всю душу тоскою,
Другая мне сладость несет упования, —
Вдруг сходятся вместе в тревожном желанье
И в сердце трепещут пугливой мольбою.
Склоняется разум пред волею пленной,
Сказать бы хотел, и, что молвить, не знаю,
И так на распутье блуждаю в смятенье...
Одним, лишь одним примирю все сомненья:
Прибегнув к тому, чем так долю страдаю, —
К той тайне грозящей с мольбой
дерзновенной.

*(переводчик — Соловьев Владимир Сергеевич,
1853–1900)*

Андерсен Ханс Кристиан (1805–1875)

Когда весна благоухала...

Когда весна благоухала,
Сорвав одну из первых роз,
Ты в темный шелк своих волос
Ее с улыбкою вплетала.
Но лето красное пришло,
И ты с волнением затаенным
Плела венок в саду зеленом,
Склоняя юное чело.
Пора осенняя настала,
И пестротой ее цветов,
Как целым рядом орденов,
Ты грудь беспечно украшала.
Теперь — зима. Среди полей
Цветы увяли безнадежно,
И потому ты можешь нежно
Прижать меня к груди своей!

*(Переводчик — Чюмина Ольга Николаевна,
1859–1909)*

Покров рассеялся туманный...

Покров рассеялся туманный,
Весна! Вольнее дышит грудь,
И ветерок благоуханный.
И солнца луч — зовет нас в путь,
Рождая смутную тревогу!..

Поднимем парус, и — вперед.
Без колебаний в путь-дорогу.
Кто путешествует — живет.
Умчимся мы быстрее птицы
На крыльях пара далеко.
Как вешних тучек вереницы
Кругом сменяются легко,
Бегут пред нами прихотливо
Иные страны, небеса...
Какое счастье — в час прилива
Поднять свободно паруса!
Я слышу пташки щебетанье,
В окно стучит она крылом!
Скорей! Умчимся за теплом
И светом истинного знания!
Сорвем рукою смелой плод
Всего, что дивно и прекрасно!
Поднимем парус! Небо ясно!
Кто путешествует — живет!

*(Переводчик — Чюмина Ольга Николаевна,
1859–1909)*

**Вот солнце склонилось на лоно
морское...**

Вот солнце склонилось на лоно морское

И рдеет, пылая любовным огнем.
И смолкло все... Нет! никаким языком
Нельзя передать, что таится в покое
Земли умиленной, и как, шелестя
Под ветром, головки свои наклоняют
Малютки цветы и тихонько лобзают
Друг друга, от всех свои грезы тая...
И темно-зеленый камыш обнимает
Залив, где колышется лодка; на ней
Восторженный юноша с милой своей;
Он молча глядит, он блаженно страдает...
А небо везде отражает свой свет:
В глазах, в синеве, в засыпающем море...
Но самое светлое небо — во взоре
Безумцев, которых счастливее нет...
Когда ж в небесах мириады мерцают
Светил, так, что кажется, — небо сквозит,
И думы твои, как и звезды, блуждают
В обителях духа — увы! говорит
Тебе твое сердце: дитя ты!.. Но строго
Глядишь ты, как муж вдохновенный, и вот
Ты мыслишь, ты любишь, ты веруешь в Бога,
И, духа ища, дух твой в небе живет.

*(Переводчик — Полонский Яков Петрович,
1819–1898)*

Байрон Джордж Гордон (1788–1824)

Сердолик

Не блеском мил мне сердолик!
Один лишь раз сверкал он, ярок,
И рдеет скромно, словно лик
Того, кто мне вручил подарок.
Но пусть смеются надо мной,
За дружбу подчинюсь злословью:
Люблю я все же дар простой
За то, что он вручен с любовью!
Тот, кто дарил, потупил взор,
Боясь, что дара не приму я,
Но я сказал, что с этих пор
Его до смерти сохраню я!
И я залог любви поднес
К очам — и луч блеснул на камне,
Как блещет он на каплях рос...
И с этих пор слеза мила мне!
Мой друг! Хвалиться ты не мог
Богатством или знатной долей, —
Но дружбы истинной цветок
Взрастает не в садах, а в поле!
Ах, не глухих теплиц цветы
Благоуханны и красивы,
Есть больше дикой красоты

В цветах лугов, в цветах вдоль нивы!
И если б не была слепой
Фортуна, если б помогала
Она природе — пред тобой
Она дары бы расточала.
А если б взор ее прозрел
И глубь души твоей смиренной,
Ты получил бы мир в удел,
Затем что стоишь ты вселенной!

*(Переводчик — Брюсов Валерий Яковлевич,
1873–1924)*

Мне сладких обманов романа не надо...

Мне сладких обманов романа не надо,
Прочь вымысел! Тщетно души не волнуй!
О, дайте мне луч упоенного взгляда
И первый стыдливый любви поцелуй!
Поэт, воспевающий рощу и поле!
Спеши, — вдохновенье свое уврачай!
Стихи твои хлынут потоком на воле,
Лишь вкусишь ты первый любви поцелуй!
Не бойся, что Феб отвратит свои взоры,
О помощи муз не жалея, не тоскуй.
Что Феб музагет! что парнасские хоры!
Заменит их первый любви поцелуй!

Не надо мне мертвых созданий искусства!
О, свет лицемерный, кляни и ликуй!
Я жду вдохновенья, где вырвалось чувство,
Где слышится первый любви поцелуй!
Создания мечты, где пастушки тоскуют,
Где дремлют стада у задумчивых струй,
Быть может, пленят, но души не
взволнуют, —

Дороже мне первый любви поцелуй!
О, кто говорит: человек, искупая
Грех праотца, вечно рыдай и горюй!
Нет! цел уголок недоступного рая:
Он там, где есть первый любви поцелуй!
Пусть старость мне кровь беспощадно
остудит,
Ты, память бывшего, мне сердце чаруй!
И лучшим сокровищем памяти будет —
Он — первый стыдливый любви поцелуй!

*(Переводчик — Брюсов Валерий Яковлевич,
1873–1924)*

Прости

Прости! Коль могут к небесам
Взлетать молитвы о других.
Моя молитва будет там,

И даже улетит за них!
Что пользы плакать и вздыхать?
Слеза кровавая порой
Не может более сказать,
Чем звук прощанья роковой!..
Нет слез в очах, уста молчат,
От тайных дум томится грудь,
И эти думы вечный яд, —
Им не пройти, им не уснуть!
Не мне о счастье бредить вновь, —
Лишь знаю я (и мог снести),
Что тщетно в нас жила любовь,
Лишь чувствую — прости! прости!

*(Переводчик — Лермонтов Михаил Юрьевич,
1814–1841)*

К Д...

Когда я прижимал тебя к груди своей...
Когда я прижимал тебя к груди своей,
Любви и счастья полн и примирен с судьбою,
Я думал: только смерть нас разлучит с тобою;
Но вот разлучены мы завистью людей!
Пускай тебя навек, прелестное создание,
Отторгла злоба их от сердца моего;
Но, верь, им не изгнать твой образ из него,

Пока не пал твой друг под бременем
страданья!

И если мертвецы приют покинут свой
И к вечной жизни прах из тленья возродится,
Опять чело мое на грудь твою склонится:
Нет рая для меня, где нет тебя со мной!

*(Переводчик — Плещеев Алексей Николаевич,
1825–1893)*

Любовь и смерть

Я на тебя взирал, когда наш враг шел мимо,
Готов его сразить иль пасть с тобой в крови,
И если б пробил час — делить с тобой,
любимой,

Все, верность сохранив свободе и любви.

Я на тебя взирал в морях, когда о скалы
Ударился корабль в хаосе бурных волн,
И я молил тебя, чтоб ты мне доверяла;
Гробница — грудь моя, рука — спасенья челн.
Я взор мой устремлял в больной и мутный
взор твой,

И ложе уступил и, бденьем истомлен,
Прильнул к ногам, готов земле отдаться
мертвой,

Когда б ты перешла так рано в смертный сон.

Землетрясение шло и стены сотрясало,
И все, как от вина, качалось предо мной.
Кого я так искал среди пустого зала?
Тебя. Кому спасал я жизнь? Тебе одной.
И судорожный вздох спирало мне страданье,
Уж погасала мысль, уже язык немел,
Тебе, тебе даря последнее дыханье,
Ах, чаще, чем должно, мой дух к тебе летел.
О, многое прошло; но ты не любила,
Ты не полюбишь, нет! Всегда вольна любовь.
Я не виню тебя, но мне судьба судила —
Преступно, без надежд, — любить все вновь и
вновь.

*(Переводчик — Блок Александр
Александрович, 1880–1921)*

Посвящается Мэрион

Что ты, Мэрион, так грустна?
Или жизнью смущена?
Гнев нахмуренных бровей
Не к лицу красе твоей.
Не любовью ты больна,
Нет, ты сердцем холодна.
Ведь любовь — печаль в слезах,
Смех, иль ямки на щеках,

Или склон ресницы томной, —
Ей противен холод темный.
Будь же светлой, как была,
Всем по-прежнему мила,
А в снегах твоей зимы
Холодны, бездушны мы.
Хочешь верности покорной —
Улыбайся, хоть притворно.
Суждено ль — и в грустный час
Прятать прелесть этих глаз?
Что ни скажешь — все напрасно;
Их лучей игра прекрасна,
Губы... Но чиста, скромна,
Муза петь их не должна:
Она краснеет, хмурит брови,
Велит бежать твоей любви,
Вот рассудок принесла,
Сердце вовремя спасла.
Так одно сказать могу
(Что б ни думал я — солгу):
Губы нежные таят
Не одной насмешки яд.
Так, в советах беспристрастных
Утешений нет опасных;
Песнь моя к тебе проста,
Лесть не просится в уста;
Я, как брат, учить обязан,
Сердцем я с другими связан;

Обману ли я тебя,
Сразу дюжину любя?
Так, прости! Прими без гнева
Мой совет немилый, дева;
А чтоб не был мне в упрек
Мой докучливый урок,
Опишу тебе черты
Властной женской красоты:
Как ни сладостна для нас
Алость губ, лазурность глаз,
Как бы локон завитой
Ни прельщал нас красотой,
Все же это плен мгновенный, —
Как нас свяжет неизменно
Легкий очерк красоты?
Нет в нем строгой полноты.
Но открыть ли, что нас свяжет,
Что пажам вас чтить прикажет
Королевами всего?
Сердце, — больше ничего.

*(Переводчик — Блок Александр
Александрович, 1880–1921)*

Португальская песня

В кипеньи нежности сердечной

Ты жизнью друга назвала;
Привет бесценный, если б вечно
Живая молодость цвела.
К могиле всё летит стрелою;
И ты, меня лаская вновь,
Зови не жизнью, а душою,
Бессмертной, как моя любовь.

*(Переводчик — Козлов Иван Иванович, 1779–
1840)*

Беранже Пьер Жан (1780–1857)

Лучший жребий

Назло фортуне самовластной
Я стану золото копить,
Чтобы к ногам моей прекрасной,
Моей Жаннетты, положить.
Тогда я все земные блага
Своей возлюбленной куплю;
Свидетель Бог, что я не скряга, —
Но я люблю, люблю, люблю!
Сойди ко мне восторг поэта —
И отдаленнейшим векам
Я имя милое: Жаннетта

С своей любовью передам.
И в звуках, слаще поцелуя,
Все тайны страсти уловлю:
Бог видит, славы не ищу я, —
Но я люблю, люблю, люблю!
Укрась чело мое корона —
Не возгоржусь нисколько я,
И будет украшеньем трона
Жаннетта резвая моя.
Под обаяньем жгучей страсти
Я все права ей уступлю...
Ведь я не домогаюсь власти, —
Но я люблю, люблю, люблю!
Зачем пустые обольщенья?
К чему я призраки ловлю?
Она в минуту увлеченья
Сама сказала мне: люблю.
Нет! лучший жребий невозможен!
Я полон счастьем моим;
Пускай я беден, слаб, ничтожен,
Но я любим, любим, любим!

*(Переводчик — Курочкин Василий
Степанович, 1831–1875)*

Весна и осень

Друзья, природою самую
Назначен наслажденьям срок:
Цветы и бабочки — весною,
Зимою — виноградный сок.
Снег тает, сердце пробуждая;
Короче дни — хладеет кровь...
Прощай вино — в начале мая,
А в октябре — прощай любовь!
Хотел бы я вино с любовью
Мешать, чтоб жизнь была полна;
Но, говорят, вредит здоровью
Избыток страсти и вина.
Советам мудрости внимая,
Я рассудил без дальних слов:
Прощай вино — в начале мая,
А в октябре — прощай любовь!
В весенний день моя свобода
Была Жаннетте отдана;
Я ей поддался — и полгода
Меня дурачила она!
Кокетке все припоминая,
Я в сентябре уж был готов...
Прощай вино — в начале мая,
А в октябре — прощай любовь!
Я осенью сказал Адели:

«Прощай, дитя, не помни зла...»
И разошлись мы; но в апреле
Она сама ко мне пришла.
Бутылку тихо опуская,
Я вспомнил смысл мудрейших слов:
Прощай вино — в начале мая,
А в октябре — прощай любовь!
Так я дошел бы до могилы...
Но есть волшебница: она
Крепчайший спирт лишает силы
И охмеляет без вина.
Захочет — я могу забыться;
Смешать все дни в календаре:
Весной — бесчувственно напиться
И быть влюбленным в декабре!

*(Переводчик — Курочкин Василий
Степанович, 1831–1875)*

Буонаротти Микеланджело (1475– 1564)

Моя любовь не в сердце у меня...

Моя любовь не в сердце у меня,

Люблю тебя, но не земной любовью:
Не смертным чувством и не смертной кровью
Дано вкусить небесного огня.
Любовь, в душе Предвечного родясь,
Мне зоркий взор дала, тебе — блистанье,
И знай, тоска могучего желанья
Не к брэнному, не к смертному влеклась.
Как с пламенем тепло неразделимо,
Так с вечностью и красота слилась.
Мне райский взор святого херувима
Блеснул в улыбке этих кротких глаз,
И вновь туда, где светит рай любимый,
Под сень ресниц тревожно страсть неслась.

*(Переводчик — Шестаков Дмитрий
Петрович, 1869–1937)*

Когда любовь, как тихий гений, веет...

Когда любовь, как тихий гений, веет,
И двух сердец ничем не разлучить,
Когда печаль и радость — всё делить
Один порыв обоими владеет;
И в небеса, как ангела крыло,
Возносит нас согласное мечтанье,
Когда в лучах бессмертного свиданья
Обоим так безоблачно светло;
Когда венец восторга молодого —

В одной любви награду находить,
Когда один желания другого
Пророчески спешит предупредить, —
Какая власть, скажи, какое слово
Тот узел чудный в силе разрешить?

*(Переводчик — Шестаков Дмитрий
Петрович, 1869–1937)*

Сквозь бури моря в зыбком челноке...

Сквозь бури моря в зыбком челноке
Доходит бег моей тревожной жизни
К той пристани всеобщей, к той отчизне,
Где сладок сон и счастьем и тоске.
Но страстных лет властительный кумир,
Художника фантазия живая,
Как гаснешь ты, бессильно упадая,
Бескрылая, у входа в новый мир!
И грудь дрожит тревогою глухой:
О, чем спастись от гибели двойной —
Как вырвать дух из черной смерти тела?
Когда б, забыв палитру и резец,
К твоей любви душа не возлетела,
Под сень креста зовущий нас отец!

*(Переводчик — Шестаков Дмитрий
Петрович, 1869–1937)*

Бюргер Готфрид Август (1747–1794)

Красавица Зусхен

Я знал ее давно: была
Она добра, скромна,
Я видел, как стройна, мила,
Как хороша она.
Я приходил, я уходил,
Как в синем море вал.
Вблизи нее я счастлив был,
Вдали — я не страдал.
Но время шло, и вот я стал
Другим: я полюбил,
Страдал в разлуке, тосковал,
Свиданьем с нею жил.
На свете ею лишь одной
С тех пор был занят я:
Она была мой труд, покой,
В ней жизнь была моя.
И слеп, и глух, и нем я стал
Во всем, что не она.
Меня луч солнца согревал,
Сияла мне луна,
Сверкали звезды, луг пестрел
В цветах... Я был слепой:
Я только на нее смотрел,

Весь мир был в ней одной.
Но время шло... Любовь прошла,
Как светлые мечты.
Она по-прежнему была
Царицей красоты.
Я приходил, я уходил,
Как в синем море вал.
Вблизи нее я счастлив был,
Вдали — я не страдал.
Вы, мудрецы, скажите, где,
Когда и как узнать —
Зачем удел людей везде
Любить, любя страдать?
И растолкуйте мне, зачем
Всё было так со мной,
Что был я слеп, и глух, и нем
И мир был в ней одной?
Я думал день и ночь, всегда,
И ночь и день опять.
Но этой тайны никогда
Не мог я разгадать.
Придет любовь и убежит,
Как ветер, как волна.
Откуда? И куда манит,
Куда зовет она?

*(Переводчик — Андрусон Леонид Иванович,
1875–1930)*

Вега Лопе, де (1562–1635)

О, как нехорошо любить притворно...

О, как нехорошо любить притворно!
Но как забыть, отдав ей больше году,
Свою любовь? Прогонишь в дверь природу,
Она в окно стучится вновь упорно.
Отвергнутой заискивать — позорно,
И верной быть неверному в угоду, —
Необходимо дать себе свободу —
Предмет любви избрать другой проворно.
Увы! Любить без чувства невозможно,
Как ни обманывай себя прилежно,
Тому не выжить, что в основе ложно.
Нет, лучше ждать настойчиво и нежно,
И может быть, от искорки ничтожной
Он вспыхнет вновь, костер любви мятежной.

*(Переводчик — Пяст Владимир Алексеевич,
1886–1940)*

Верлен Поль (1844–1896)

Я — маниак любви

Во мне живет любви безвольный маниак:
Откуда б молния ни пронизала мрак,
Навстречу ль красоте, иль доблести, иль
силам,
Взовьется и летит безумец с жадным пылом.
Еще мечты полет в ушах не отшумит,
Уж он любимую в объятьях истомит.
Когда ж покорная подруга крылья сложит,
Он удаляется печальный, — он не может
Из сердца вырвать сна — часть самого себя
Он оставляет в нем...
Но вот опять, любя,
Ладья его летит на острова Иллюзий
За горьким грузом слез... Усладу в этом грузе
В переживанье мук находит он: свою
Он мигом оснастил крылатую ладью
И, дерзкий мореход, в неизвестном океане
Плывет, как будто путь он изучил заранее:
Там берег должен быть — обетованье грез!
Пусть разобьет ладью в пути ему утес...
С трамплина нового он землю различает,
Он в волны прыгает, плывет и доплывает
До мыса голого... Измучен, ночь и день

Там жадно кружит он: растёт и тает тень —
Безумец все кружит средь дикости безвестной:
Ни травки, ни куста, ни капли влаги пресной;
Палящий жар в груди, часы голодных мук, —
И жизни ни следа, и ни души вокруг,
Ни сердца, как его... Ну, пусть бы не такого,
Но чтобы билось здесь, реального, живого,
Пусть даже низкого... но сердца... Никого...
Он ждёт, он долго ждёт... Энергию его
Двоят и жар, и страсть... И долго в отдаленье
Безумцу грезится забытому спасенье.
Все парус грезится... Но безответна твердь,
И парус, может быть, увидит только Смерть.
Что ж? Он умрет, земли, пожалуй, не жалея...
Лишь эта цепь потерь с годами тяжелее!
О эти мертвецы! И, сам едва живой,
Души мятущейся природой огневой
В могилах он живет. Усладу грусти нежной
Лишь мертвые несут его душе мятежной.
Как к изголовью, он к их призракам прильнет.
Он с ними говорит, их видит, и заснет
Он с мыслию о них, чтоб, бредя,
пробудиться...

Я — маниак любви... Что ж делать?

Покориться.

*(Переводчик — Анненский Иннокентий
Фёдорович, 1855–1909)*

Песня к ней

Мне говорят, что ты — блондинка,
И что блондинка — неверна,
И добавляют: «как былинка...»
Но мне такая речь смешна!
Твой глаз — яснее, чем росинка,
До губ твоих — душа жадна!
Мне говорят, что ты — брюнетка,
Что взор брюнетки — как костёр,
И что в огне его нередко
Сгорают сердце... Что за вздор!
Ты целовать умеешь метко,
И по душе мне твой задор!
Мне говорят: не будь с шатенкой —
Она бледна, скучна чуть-чуть...
Смеюсь над дружеской оценкой!
Дай запах кос твоих вдохнуть,
Моя царица, — и коленкой
Стань, торжествуя, мне на грудь!

*(Переводчик — Брюсов Валерий Яковлевич,
1873–1924)*

Я не люблю тебя одетой...

Я не люблю тебя одетой, —
Лицо прикрывши вуалетой,
Затмишь ты небеса очей.
Как ненавистны мне турнюры,
Пародии, карикатуры
Столь пышной красоты твоей!
Глядеть на платье мне досадно —
Оно скрывает беспощадно
Всё, что уводит сердце в плен:
И дивной шеи обаянье,
И милых плеч очарованье,
И волхование колен.
А ну их, дам, одетых модно!
Спеши прекрасную свободно,
Сорочка милая, обнять,
Покров алтарной мессы нежной
И знамя битвы, где, прилежный,
Не уставал я побеждать.

*(Переводчик — Сологуб Фёдор Кузьмич, 1863–
1927)*

Серенада

То не голос трупа из могилы тёмной, —
Я перед тобой.

Слушай, как восходит в твой приют укромный
Голос резкий мой.

Слушай, мандолине душу открывая,
Как звенит струна:

Про тебя та песня, льстивая и злая,
Мною сложена.

Я спою про очи: блеск их переливный —
Золото, оникс.

Я спою про Лету грудей, и про дивный
Тёмных кудрей Стикс.

То не голос трупа из могилы тёмной,
Я перед тобой.

Слушай, как восходит в твой приют укромный
Голос резкий мой.

Тело молодое, как и подобает,
Много восхваляю:

Вспомнив, как роскошно плоть благоухает,
Я ночей не сплю.

И, кончая песню, воспую лобзанья
Этих алых губ,

И твою улыбку на мои страданья,
Ангел! душегуб!

Слушай, мандолине душу открывая,

Как звенит струна:
Про тебя та песня, льстивая и злая,
Мною сложена.

(Переводчик — Сологуб Фёдор Кузьмич, 1863–1927)

Вчера, среди ничтожных разговоров...

Вчера, среди ничтожных разговоров,
Мои глаза искали ваших взоров;
Ваш взор блуждал, ища моих очей, —
Меж тем бежал, струясь, поток речей.
Под звуки фраз обычного закала
Вкруг ваших дум любовь моя блуждала.
Рассеянный, ловил я вашу речь,
Чтоб тайну дум из быстрых слов извлечь.
Как очи, речи той, что заставляет
Быть грустным иль веселым, открывает, —
Как ни спешу насмешливою быть, —
Все, что она в душе желает скрыть.
Вчера ушел я, полный упоенья:
И тщетная ль надежда наслажденья
В моей душе обманчивой льет свет?
Конечно, нет! Не правда ли, что нет?

(Переводчик — Сологуб Фёдор Кузьмич, 1863–1927)

Как нежно вы меня ласкали...

Как нежно вы меня ласкали
Так незадолго до разлуки,
О эти маленькие руки,
Которыми мои печали,
Мои томленья и скитанья
И в близких, и в далеких странах
Под ясным солнцем и в туманах
Преображались в мечтанья!
Все к ним тоска моя стремится,
Но разгадаю ли их знаки
Душе, которая во мраке
Зловещем никнет и томится?
О непорочное виденье,
Приходишь ли ты с вестью верной
О нашей родине безмерной,
Где тесное соединенье?
О руки, власть благословенья,
И скорбь, и кроткие упреки,
И освященные зарюки,
О, дайте, дайте знак прощенья!

(Переводчик — Сологуб Фёдор Кузьмич, 1863–1927)

Верхарн Эмиль (1855–1916)

Той, что живет близ меня

Лобзанья мертвые годов минувших
Оставили печать на дорогах чертах;
Поблекло много роз и на твоих щеках
Под строгим ветром лет мелькнувших;
Твои уста и ясные глаза
Не блещут больше молнией летучей,
И над твоим челом не виснет тучей
Твоя густая черная коса;
И руки милые, с задумчивым мерцаньем
На пальцах, никогда уже не льнут ко мне,
Чтоб целовать мой лоб в минутном сне,
Как утро мхи целует с трепетаньем;
И тело юное, то тело, что мечтой
Я украшал с волнением когда-то,
Уже не дышит свежестью и мятой,
И плечи не сравню я с ивой молодой.
Все гибнет и — увы! — все блекнет миг за
мигом,
И даже голос твой как будто изменен.
Как зрелый мак, твой стройный стан склонен,
И юность поддалась невидимым веригам!
И все ж моя душа, верна, твердит тебе: